

В. Якобайт

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ

[К 80-летию со дня рождения В. Штейница] *

Уже в 1950-е годы, стремясь очистить этнографию ГДР от искажений, внесенных в нее профашистскими демагогами во времена гитлеризма, В. Штейниц определил ее как единую науку, изучавшую как свой народ (Volkskunde), так и другие народы (Völkerkunde). Те же цели преследовал он, выступая в числе главных сторонников обновления старой европейской «Comission Internationale des Arts et Traditions Populaires». Он добивался установления твердого статуса этой организации в рамках ЮНЕСКО. Ряд его основополагающих идей обсуждался в ГДР на нескольких международных подготовительных конференциях. Однако на I Международном конгрессе по европейской этнологии в Париже в 1971 г., утвердившем новое положение этой организации, новый устав, новое название — Société internationale d'ethnologie et de folklofe (SIEF) В. Штейницу уже не суждено было присутствовать.

Какое же направление хотел он придать европейским этнологическим исследованиям? SIEF, по его мысли, должна функционировать в более или менее широких рамках ЮНЕСКО. Деятельность SIEF следует рассматривать как одну из полезных программ ЮНЕСКО, направленных на сохранение и упрочение мира. Предполагалось, что в будущем SIEF перенесет центр тяжести на разработку различных программ, касающихся образа жизни людей. Для осуществления этого плана требуется изучение целого ряда вопросов: поведение людей в прошлом и настоящем, их отношение к окружающей среде и др. Указанные проблемы затрагиваются в «Курьере ЮНЕСКО» и других публикациях и программах этой всемирной организации, среди сотрудников которой еще слишком мало этнографов. На пятом совещании генеральных секретарей европейских национальных комиссий ЮНЕСКО в июле 1982 г. в Копенгагене советский представитель внес конкретные предложения по «европейскому культурному и научному сотрудничеству в рамках компетенции ЮНЕСКО... на благо всех стран и народов всей Европы». Здесь не место подробнее излагать этот документ, но подобные материалы должны учитываться в деятельности SIEF, ибо вряд ли какая-либо другая наука может быть столь полезной для осуществления программ ЮНЕСКО, как этнография. В свою очередь этнография требует особенно широкой междисциплинарной постановки задач в международном масштабе. Важную роль в сплочении этнографов Европы сыграли журналы «Ethnologia Europaea», «Ethnologia Slavica» и «Demos», а также деловые встречи исследовательских групп одного профиля. Однако нельзя не отметить, что после 1971 г. SIEF как единая организация выступала слишком редко.

Подчас возникает опасение, что этнография может стать вспомогательной дисциплиной для других исторических наук. Представляется,

* Академик Вольфганг Штейниц (1905—1967 гг.) — выдающийся немецкий лингвист, этнограф и фольклорист, один из организаторов Академии наук ГДР, первый директор входившего в нее Института немецкой этнографии. О нем см. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 187—189.

однако, что эта точка зрения несправедлива. Как наука, изучающая особый аспект исторического прошлого народов мира и потому необходимая для воссоздания картины этого прошлого во всей ее полноте, этнография решает задачи, которые никакая другая историческая дисциплина решать не может. В то же время расширение междисциплинарных контактов обогащает этнографию новыми идеями и методами, получая таким образом импульсы к пересмотру привычных представлений, открытию новых сфер исследования и пр. Расширение же границ этнографии повышает интерес общества к результатам исследований в рамках этой отрасли исторического знания. Последнее особенно важно. Ведь в наше время, когда, с одной стороны, существуют глубокие международные противоречия, а с другой — растет воля к взаимопониманию и миру между народами, необходимо подчеркивать научно-политическую сторону проблем этнографии: исследуя многообразные факторы, влияющие на процессы взаимодействия различных классов, слоев и этносов, этнографы тем самым призваны разрабатывать научные основы мирного сосуществования народов.

Наши предварительные замечания нельзя рассматривать в отрыве от последующего изложения, связанного главным образом с этнографией и историей немецкого народа. Итак, речь пойдет о соотношении истории и этнографии. В. Штейниц настаивал на том, что этнография — историческая наука. Собственно говоря, и до него об этом говорили и писали многие. Но под «историей» в данном случае чаще всего понималось стремление к привлечению исторического материала для выяснения возраста и происхождения отдельных этнографических фактов, использование старых документов, и наконец, создание арсенала фактов, дат, вариантов для исследования. Такой подход характерен для ученых, работа которых, в высшей степени интенсивная и часто даже самоотверженная, до сих пор недостаточно оценена, особенно если иметь в виду, что ее результаты имеют большое значение и для современных исследователей.

И все же не к такому пониманию истории стремились В. Штейниц и его соратники. Как марксисты, они искали и другие, более глубокие связи истории с этнографией. Содержанием истории они считали прежде всего развитие народной культуры на разных стадиях ее развития, в условиях различных общественных формаций. На фоне тех или иных конкретных производственных отношений исследовалось все, что является выражением образа жизни и культуры трудящихся, что нашло отражение в материальной и духовной сфере, в индивидуальном и классовом, т. е. социально детерминированном, поведении. Внимание этнографа направлялось прежде всего на крестьян, ремесленников, плебейские слои эпохи феодализма, в особенности на пролетариат эпохи капитализма — империализма.

С таким подходом В. Штейниц связывал новые исследовательские перспективы развития этнографии. В ряде его работ, посвященных народным песням¹, антифеодальному фольклору, или в организованном им исследовании «Труд и хозяйство» сформулированы основные исходные категории, во многом способствовавшие активизации изучения культуры и образа жизни трудящихся этнографами ГДР.

Важное отличие (иногда даже иное историческое качество) ремесленно-крестьянской культуры и образа жизни эпохи феодализма от форм культуры и быта, соответствующих буржуазно-капиталистическому способу производства, В. Штейниц продемонстрировал на этнографическом материале. Как видим, в основу качественно новой этнографии в ГДР был положен исторический принцип, что позволило сделать важные выводы, сохранившие свое значение и в наши дни².

¹ Работы В. Штейница, посвященные этой тематике, выходили в Берлине в 1954 и 1962 гг.

² Ср. изданные Бурде-Шнейдевинд в 4-х томах «Deutsche Sagen demokratischen Charakters» (1960—1977); Strobach H. Bauernklagen. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied. B., 1964, и др.

Конечно, с точки зрения исторической науки можно было также провести ретроспективный обзор темы «Этнография и история», что позволило бы вскрыть предпосылки возникновения современных концепций. С именами Я. Гримма, Р. Мерингера и К. Лампрехта, а затем А. Шпамера, Г. Мауса и В.-Э. Пойкерта связаны постоянные попытки добиться более глубокого понимания истории немецкого народа с помощью смежных дисциплин. Можно даже сказать, что значение этнографии было прежде всего понято представителями смежных наук³. И не случайно основоположники и теоретики народоведения в Германии приходили, как правило, из смежных наук — германистики, филологии или языкознания и, конечно, из истории и составляющих ее дисциплин. Характерно, что до 1930-х годов в немецких университетах совсем не читались специальные курсы этнографии и, следовательно, этнографические сведения сообщались только в рамках вышеназванных предметов. Лишь в 1936 г. германист А. Хюбнер добился создания в Берлинском университете первой кафедры немецкой этнографии, которую возглавил А. Шпамер⁴.

В. Штейниц содействовал превращению немецкой этнографии в науку историческую, что со временем привело к более тесной кооперации с такими науками, как экономика, история литературы и языка и всеобщая история. При этом самостоятельность и суверенность этнографии во всем, что касается изучения культуры и образа жизни трудящихся классов и слоев немецкого народа всех времен, вплоть до современности, не подвергалась сомнению.

Самым ярким доказательством того, какую большую пользу извлекла этнография ГДР из сотрудничества с исторической наукой, был опубликованный около 10 лет назад труд «История культуры и быта трудящихся классов и слоев немецкого народа с IX века по 1945 г.». В этой книге предпринята попытка соотнесения обширных массивов научно отобранного этнографического материала с соответствующими специфическими явлениями, характерными для феодализма или капитализма как общественных формаций и их отдельных периодов. Это позволило выдвинуть на передний план трудящегося человека как творца истории⁵. В указанном коллективном труде участвовали все этнографы ГДР. Он вызвал к жизни целый ряд монографий, посвященных частным проблемам, таким как жизнь сельскохозяйственных рабочих в XIX в.; труд крестьян в эпоху феодализма; специфика культуры и образа жизни; история народной поэзии, прозы, различных видов народного искусства вплоть до современности; целый ряд коллективных трудов был посвящен сельскохозяйственному и индустриальному пролетариату. Ценность такого качественно нового метода изучения феноменов и элементов культуры и быта трудового народа неоспорима, но ему все-таки не хватало системного рассмотрения соотношения указанных элементов и тем самым ограничивалась возможность интерпретации уже разработанной предметной системы в общих рамках того или иного социального строя.

Для этнографии и истории ГДР, как и для прогрессивных исторических школ Европы, характерно превращение истории быта «нижних» социальных слоев, т. е. трудящихся, в новый предмет научного исследования. К этой теме обратились уже получившие широкую известность представители французской исторической школы «Анналы»⁶, англо-американские социоисторики, сконцентрировавшиеся вокруг Хобсбаума

³ Ср. с многочисленными публикациями К. Баумгартена, У. Бенцина, В. Якобайта, Р. Пеша, Г. Ю. Раха, В. Радига, В. Рудольфа, Р. Вейнгольда, Т. Вильсдорфа и др.

⁴ *Steinitz W.* Die volkskundliche Arbeit in der Deutschen Demokratischen Republik. — Studienmaterial für die Bildungs- und Erziehungsarbeit der Volkskunstgruppen. Sonderreihe zur Volkskunsthforschung, Hft. 1. Leipzig, 1953; Ср. также: *Nedo P.* Bedeutung und Aufgaben der Volkskunsthforschung in der Gegenwart. — In: *Aus der Arbeit der Natur- und Heimatfreunde im Kulturbund zur demokratischen Erneuerung Deutschlands* 1956. Hft. 6/7, S. 140 ff.

⁵ *Jacobett W.* Bäuerliche Arbeit und Wirtschaft. Ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der deutschen Volkskunde. B., 1965.

⁶ Об «Анналах» см. статью А. Я. Гуревича в «Советской этнографии», 1984, № 5 (прим. ред.).

и Томпсона, группы Исторического института имени М. Планка в Геттингене и ряд исследовательских учреждений в других странах нашего континента, которые занимаются социальной и экономической историей, а также усиленно работают над этнографическими проблемами. Характерно, что «Нестор» нашей социальной и экономической истории, Ю. Кучинский, опубликовал широко известную и популярную пятитомную «Историю быта немецкого народа (1600—1945)», где стремился показать специфику каждого исторического периода на протяжении почти 350 лет. Это была первая попытка обобщения подобного материала с марксистских позиций, и неудивительно, что она вызвала широкий отклик. Наши этнографы еще недавно подчеркивали, что Ю. Кучинский открыл реально существующие «белые пятна» в истории быта немецкого народа и показал необходимость их заполнения. Его монография была воспринята как плодотворный импульс «к исследованию единого исторического развития жизни, борьбы, мышления и чувств народных масс»⁷. Речь идет о комплексном взгляде на опыт народа, стремлении вывести условия его жизни из определяющих черт эпохи. Работа Кучинского — веха, мимо которой не смогут пройти будущие исследователи — этнографы и специалисты по экономической и политической истории⁸.

Понятие образа жизни как категории, в равной мере интересующей историков и этнографов, благодаря многообразию своих связей имеет важнейшее значение для научных исследований. Актуальность этой проблематики нашла отражение и в весьма оживленной международной дискуссии⁹. Закономерно и то, что этнограф Г. Вигельманн и историк Э. Хинрикс (оба из ФРГ) провели междисциплинарную конференцию «Социальные и культурные изменения в крестьянском мире XVIII века». Во введении к материалам конференций они указывают на совпадение многих теоретических и методологических посылок истории и этнографии. По крайней мере в отдельных разделах обеих дисциплин, говорят они, имеются «родственные темы, вопросы, методы и исследовательская техника», которые зачастую «взаимно пересекаются». Говоря о соотношении обоих исследовательских направлений в ФРГ, Вигельманн и Хинрикс подчеркивают: «...историческая наука своими исследованиями по истории семьи, быта, праздников, пищи, жилья, коллективных представлений и мнений захватила в последнее время сферу, считавшуюся прежде областью этнографии. С другой стороны, в работах этнографов играют огромную роль такие категории, как „образ жизни“, „преобразование“, „историчность“, „традиция“ и „континуитет“, так что историк невольно задает себе вопрос, возможно ли и имеет ли еще хоть какой-нибудь смысл отделять работу этнографов от своей работы»¹⁰.

⁷ Вышла в свет в I—III выпусках журнала «Wissenschaftlichen Mitteilungen der deutschen Historikergesellschaft». В., 1971/72.

⁸ Geschichte der deutschen Volksdichtung/Hrsg. Strobach H. B., 1981; Strobach H. Deutsches Volkslied.—In: Geschichte und Gegenwart. В., 1980; Baumgarten K. Das deutsche Bauernhaus. В., 1980; Peesch R. Volkskunst. Umwelt im Spiegel populärer Bildnerie des 19. Jahrhunderts. В., 1978; Mohrmann U. Engagierte Freizeitkunst. В., 1983; Bentzien U. Bauernarbeit im Feudalismus. В., 1980; Volksleben zwischen Zunft und Fabrik/Hrsg. Weinhold R. B., 1982; Plaul H. Landarbeiterleben im 19. Jahrhundert. В., 1979; Bauer und Landarbeiter im Kapitalismus in der Magdeburger Börde/Hrsg. Rach W. J., Weissel B. B., 1982; Kultur und Lebensweise des Proletariats/Hrsg. Jacobeit W., Mohrmann U. B., 1973; Ethnographische Studien zur Lebensweise. Ausgewählte Beiträge zur marxistischen Volkskunde/Hrsg. Jacobeit W., Mohrmann U., Woeller W. (Wiss. Zeitschr. der Humboldt-Universität zu Berlin, Ges. u. Sprachwissensch. Reihe XX), 1971, Hf. 1; Volkskunde als Kulturgeschichte, Wolfgang Jacobeit zum 60. Geburtstag (Kultur und Lebensweise, Hf. 1/11). В., 1981, и др.

⁹ Следует сказать, что в СССР в 1940-х — начале 1960-х годов была распространена концепция «культуры и быта» как предметной области этнографии. Значительное число вышедших монографий было посвящено преобразованиям быта в процессе социалистического строительства и истории народного быта в прошлом. Ср. также коллективные работы по истории культуры, в том числе и бытовых ее слоев, Древней Руси. С конца 1960-х годов стала развиваться концепция, согласно которой предмет этнографии — этнос. Быт же стал пониматься как специфическая сфера проявления этнокультурных традиций этноса (прим. ред.).

¹⁰ Рецензия на т. 1 в: Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte, 10/1982.

И в самом деле, во многих работах последних лет ставятся вопросы, общие для обеих наук. Стоит упомянуть исследование Г. Медика, историка из Геттингена: «Комнаты для прядения в деревне. Молодежная культура, взаимоотношения полов и обычаи проведения досуга в сельском обществе на начальных этапах нового времени». Тот же автор предпослал в качестве эпиграфа к своей рецензии на книгу К. Гинцбурга «Сыр и черви. Мир на рубеже XVII века» высказывание В.-Г. Рилля, вызвавшее когда-то немало споров, о ценности «изучения нравов и обычаев, порой ребячливых и неразумных, жилища и двора, сюртука и камзола...». Примеры такого рода можно умножить. Так, раскрыв № 11 журнала «Информация по общественным наукам для преподавателей и учащихся» за 1982 год, мы увидим, что он посвящен «Этнологии в истории и обществоведении» и что в нем опубликована статья историка из Касселя Х. Вундер, занимающейся историей этнографии в новом аспекте. Состоявшийся недавно в Будапеште конгресс по истории хозяйства рассматривал проблемы быта и вопрос об участии народных масс в событиях предындустриального этапа позднего феодального периода.

Данная статья свидетельствует о том, что этнография (здесь это показано на примере прогрессивных историков и этнографов ГДР) — наука историческая. Изучая культуру и быт трудящихся, этнографы делают выводы на основании конкретных общественно-исторических условий и предпосылок определенного исторического периода (из-за недостатка места я сознательно не останавливаюсь здесь на проблеме своеобразия традиционной материальной культуры).

Быт трудящихся слоев населения — это всеобъемлющее понятие, возникающее на сложном пересечении отдельных исследований культуры и образа жизни. Изучение быта и его истории развивается в новую междисциплинарную историческую категорию, которая входит и в сферу занятий этнографов. По отношению к исторической науке ГДР Х. Бартель выразил это следующим образом: «Для того чтобы можно было достичь нового уровня исторических представлений, необходимы комплексный взгляд и комплексное понимание истории нашего народа. Поэтому мы стремимся внести в наше представление об истории и традициях более дифференцированное понимание исторического целого, особенно в том, что касается развития экономики. Развитие производительных сил, открытия в области науки и техники, послужившие прогрессу, требуют к себе конкретно-исторического подхода. Следовало бы предусмотреть целенаправленное историко-культурное изучение быта трудящихся слоев населения во все эпохи. Этнографические исследования — от работ по народной архитектуре и жилищу и вплоть до наиболее актуальных, отвечающих потребностям молодежи исследований народной песни, диахронические обзоры и монографии о культуре и быте трудящихся — открывают новые, более глубокие аспекты представлений об истории и традициях»¹¹. Сказанное в равной степени относится и к соотношению этнографии и истории в международном масштабе.

¹¹ Bartel H. Historisches Erbe und Tradition.— In: Einheit 1981, Hf. 3, S. 276.